

ВАРИАНТНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ПРОФЕССИОЛЕКТА «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ»

Ю.В. Кобенко, Э.Я. Соколова

В статье уточняются понятия «норма», «вариантность» и «вариативность», анализируются различные аспекты функционирования языковой нормы, описывается типология вариантности специальных единиц профессиональной лексики профессионального лексикона «интеллектуальные энергетические системы» в современном английском языке, выделяются 4 вида вариантов: морфологические; орфографическая; аббревиатурные и композитные, из которых орфографическая характеризуется наибольшей динамичностью и диверсификацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: норма, вариантность, вариативность, специальные единицы профессиональной лексики, современный английский язык

КОБЕНКО Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета. serpentis@list.ru

СОКОЛОВА Эльвира Яковлевна – старший преподаватель отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета. sokolovaeya@mail.ru

Цитирование: Кобенко Ю.В., Соколова Э.Я. Вариативность специальных единиц профессионального лексикона «интеллектуальные энергетические системы» [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 2. – С. 78–91. Режим доступа: www.tverlingua.ru

VARIATION OF SPECIAL UNITS OF «SMART ENERGY SYSTEMS» PROFESSIOLECT

Yury V. Kobenko, Elvira Ya. Sokolova

The article specifies the concepts “norm”, “variation” and “dimorphism”, analyses various aspects of the language norm functioning, describes the typology of special units of professional lexis of the “smart energy systems” professiolect in modern English and distinguishes four main types: morphological, orthographic, acronymous, and composite, where orthographic variation demonstrates the highest dynamism and diversity.

KEY WORDS: norm, variation, dimorphism, special units of professional lexis, modern English language

KOBENKO Yury V. – DSc in Philology, Professor of the Division for Foreign Languages of National Research Tomsk Polytechnic University. serpentis@list.ru

SOKOLOVA Elvira Ya. – Senior Teacher of the Division for Foreign Languages of National Research Tomsk Polytechnic University. sokolovaeya@mail.ru

Citation: Kobenko Yu.V., Sokolova E.Ya. Variation of special units of “smart energy systems” professiolect [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 2. – P. 78–91. Access mode: www.tverlingua.ru

Формирование новых ономаσιологических структур с неологическим пластом лексики как результат непрерывного развития современного английского языка (САЯ) требует приведения лексических единиц в упорядоченную систему с выбором оптимального варианта на основе единых норм. Затруднение практики кодификации САЯ объясняется особенностями его функционирования и генеза. Во-первых, САЯ имеет длительную историческую традицию с многократными изменениями. Во-вторых, САЯ – ацентрический язык, формирование литературного норм которого

«опирается не на предписания определенного центра кодификации, а на наиболее престижный региональный вариант» (Кобенко, 2010: 195). Высокие темпы языковой динамики САЯ, «либерализация» речевого поведения и, как результат, трудности лексикографической фиксации, обуславливают «разноуровневые сознательные и несознательные отступления от нормы» (Балко, 2017: 130). Нормы САЯ характеризуются незавершенностью и открытостью, а также сосуществованием архаических и инновационных элементов (Швейцер, 1996: 77).

Для проведения научно-обоснованного анализа нормативных особенностей специальных единиц профессиональной лексики (СЕПЛ) «Интеллектуальные энергетические системы» (ИЭС) в системе САЯ необходимо уточнить понятия «норма», «вариантность» и «вариативность».

Норма является основным признаком литературного языка на отдельном синхроническом отрезке его исторического развития и социально-историческим атрибутом; это закрепившееся, зафиксированное и узаконенное в языке употребление (Кодухов, 1974: 171), объективированное реальной речевой практикой как отражение закономерности эволюции языковой системы (Горбачевич, 2009: 46). Традиционно принято выделять два вида норм: 1) лексикографическая и 2) номенклатурная (Марцева, 2018: 132). Лексикографическая норма – поле деятельности лингвистов, результатом которой является аккумуляция языкового опыта и отражение внутриязыковых тенденций. Номенклатурная норма – это узаконенное сведение гетерогенного по происхождению языкового материала «в единую «наддиалектную» систему» (Семенюк, 1996: 24) .

В.А. Ицкович предлагает типологизацию норм на уровне языка, определяемые: 1) системой языка и 2) ее структурой (Ицкович, 1968: 23). Первая разновидность норм является обязательной, а их нарушение «означает использование образований не только отсутствующих, но и невозможных в системе данного языка» (Ицкович, 1968: 24). Отклонение от норм второй разновидности не выходит за нормативные рамки языка, однако

именно здесь закономерно появление вариантов. Существуют различные мнения лингвистов на «вариативность» и «вариантность». «Вариативность» и «вариантность» дифференцируются как явления разного уровня. «Вариативность» рассматривается как постоянное свойство языка, отражающее динамику различных языковых процессов (уровень – система), «вариантность» является его частным проявлением (уровень – единица) (Блинова, 1997, 16; Кобенко, Мемеркулова, 2017: 110). Первый термин выступает гиперонимом и относится к свойствам языковой системы, а второй к свойствам единиц. Вариантность принято считать неотъемлемым атрибутом и закономерным процессом эволюции языковой системы, необходимым этапом ее перестройки (Ицкович, 1968: 46), периодом сосуществования языковых явлений, обеспечивающий безболезненное замещение неэффективных и заполнения вакантных звеньев языковой системы.

Существует точка зрения на вариантность как на явление парадигматической избыточности, выражающуюся в синхронном наличии разных форм с одинаковым содержанием (Горбачевич, 2009: 20). Схожая точка зрения наблюдается и у С.Д. Шелова, который считает, что два термина являются вариантами при совпадении их особого «понятийного ядра», а все понятийные различия между ними объясняются систематическими сдвигами в структуре их значения (Шелов, 2014: 7). Разделяя точку зрения на вариантность как явление более низкого уровня в сравнении с вариативностью, следует признать ее устойчивость и синхронность в пределах определенного периода развития языка. Вариантность, в отличие от синонимии, свидетельствует о наличии неустойчивости норм.

Предпосылки, приводящие к диверсификации в системе норм языка и возникновению варьирования слова, разнообразны и разнохарактерны (Ицкович, 1968, Кодухов, 1974, Постникова, 1981, Семенюк, 1996, Горбачевич, 2009, Сложеникина, 2010). К их числу относят внешние

(экстралингвистические: демократизация языка, влияние диалектов, мобильность научного познания, появление новых понятий и переосмысление старых, контакты с другими языками и др.) и внутренние (аналогия, многообразие структурных моделей, тенденция к экономии языковых средств, несовпадение формы и содержания).

Общепринятой классификации вариантов не существует, есть лишь разграничения по закреплённости и диапазону варьирования. Под закреплённостью понимается сфера применения: профессиональные, научные, общеупотребительные и т.д. В зависимости от диапазона варианты делят на формальные (полные) и на неполные, демонстрирующие функциональные отличия (Горбачевич, 2009: 20). Примерами функционального варьирования терминов являются эпонимы.

Нет единой точки зрения относительно типов видоизменений формальной стороны лексических единиц, количество которых варьирует от 3 (фонетическая, лексическая, грамматическая) (Постникова, 1981: 34), (фонетическая, морфологическая, орфографическая) (Руссу, 2014: 64–68) до 4 (акцентная, фонетическая, фонематическая, морфологическая) (Горбачевич, 2009: 20).

На основе структурно-сопоставительного анализа однотипных вариантных пар СЕПЛ профессионального ИЭС в САЯ в пределах тождества слов (формальных различий) выявлены основные типы варьирования: 1) морфологические; 2) орфографические; 3) аббревиатурные и 4) композитные варианты. Анализ проводился на основе письменных текстов научной прозы объёмом 987 условных страниц. Условиями идентификации СЕПЛ в качестве вариантов выступили: совпадение лексического значения с точки зрения концептуального содержательного значения; соблюдение варьирования в определенных акцентологических и фонематических границах, обеспечивающих тождество морфологической структуры.

1. *Морфологические варианты.* Этот тип вариантности связан с формальной модификацией слова без изменения морфологической

структуры, а также лексического и грамматического значения (Горбачевич, 2009: 22). Выявлено два вида суффиксальной вариации: а) с идентичностью фонетического облика ср.: *disconnecter / disconnector* (разъединитель); б) с частичным несовпадением фонетического облика, ср.: *electric energy / electrical energy* (электроэнергия). Морфологическая вариантность проявляется также в виде колебания полной и усечённой форм, ср.: *busbar / bus* (сборная шина), *network system load / net system load* (нагрузка сетевой (распределительной) системы), *production and self-consumption / prosumage* (производство электричества для потребления на месте). В приведенных примерах наблюдается редуцирование многосложных лексических единиц, что подтверждает тенденцию к экономии языковых усилий, характерную для профессионального ИЭС.

Количество морфологических вариантов в составе исследуемого профессионального ИЭС незначительно (7 СЕПЛ / 0,6%). Следует отметить, что морфологическая неустойчивость может привести к семантической дифференциации с невозможностью образовывать устойчивые выражения с одной из формально-модифицированных единиц. Приведем пример с морфологическим вариантом *electric* и *electrical*, ср.: *motor / drive / machine*, как правило, сочетается со словом *electric*, а *engineering* используется с прилагательным *electrical*.

2. *Орфографические варианты.* Указанный тип варьирования связан с диверсификацией графического оформления. Орфографические колебания классифицируются по следующим признакам: а) полуслитное (дефисное) и слитное написание; б) полуслитное (дефисное) и отдельное написание; в) отдельное и слитное написание; г) написание с прописной и с заглавной буквы; д) написание в кавычках или без кавычек; е) пропуск элемента (слова) в словосочетаниях; ж) опущение одной из морфем; з) вариативность при написании графемы и и) графическая метатеза. Вариантность орфографической нормы исследуемых СЕПЛ ИЭС насчитывает 25 случаев (всего 2,1% от общего количества).

А. Полуслитное (дефисное) и слитное написание характерно в случаях перехода к концептуальной употребительности (4 / 0,3%), ср.: *sub-net connection / subnet connection* (соединение подсети), *non-fossil fuel obligation / nonfossil fuel obligation* (обязательства по использованию не ископаемых (возобновляемых) источников энергии), *power start-up / power startup* (энергопуск), *specific burn-up / specific burnup* (удельное выгорание).

Б. Полуслитное (дефисное) и раздельное, ср.: *ground-to-ground wireless power transmission / ground to ground wireless power transmission* (беспроводная передача энергии по типу земля-земля), *power-to-gas / power to gas* ("энергия в газ"), *ride-through capacity / ride through capacity* (способность к поддержанию непрерывности электроснабжения), *minute-by-minute basis balancing network / minute by minute basis balancing network* (поминутный основной балансный контур). Как видно из примеров, дефис является наиболее распространённой разновидностью неустойчивости орфографического контура (6 / 0,5%). Указанный тип частотен в терминологических композитах, состоящих из трех и более компонентов. Дефис выступает средством оптимизации написания, разделяя гетерогенные участки гибридных словосочетаний. Такое разделение позволяет придать сложным композитам семантическую однозначность, упростить их восприятие при чтении и устранить неоднозначность их интерпретации при переводе.

В. Раздельное и слитное написание, ср: *bio fuel / biofuel* (биотопливо), *bus bar / busbar* (сборная шина), *supercapacitor energy storage system / super capacitor energy storage system* (системы аккумулирования энергии на основе технологий суперконденсаторов) (4 / 0,3%). Графическое оформление без переходного варианта в виде словосочетаний, написанных через дефис, являются еще одним доказательством экономии не только языковых, но и графических ресурсов.

Г. Написание с прописной и заглавной буквы, ср.: *Tesla powerwall / Tesla Powerwall* (название прибора для аккумулирования энергии в быту). У

данной группы наименьший показатель орфографической вариативности (1 / 0,2%).

Д. Написание в кавычках или без. Выявлены единичные случаи такого рода диверсификации орфографического оформления, ср.: «*smart*» *grid technology* / *smart grid technology* (технология интеллектуальной энергосистемы). В общей картине орфографической вариантности СЕПЛ использование указанного написания составляет 2 / 0,1%.

Е. Пропуск элемента (слова) в словосочетаниях (2 / 0,2%), связан с языковой экономией, ср.: *automatic circuit recloser* / *automatic recloser* (автоматическое устройство повторного включения), *on-peak power* / *peak power* (пиковая мощность, максимальная мощность).

Такие группы вариантности, как ж) оmissия одной из графем *l*, з) вариативность при написании графемы *s/z* и и) графическая метатеза *er/re* связаны с одновременным функционированием британского и американского вариантов английского языка.

Ж. Оmissия одной из графем *l* в галльских заимствованиях с единичной фиксацией (2 / 0,2%), ср.: *SGAM modeling* (от фр. *modelle*) (AmE) (моделирование интеллектуальной сети электропередачи). В другом композите, который представлен британским вариантом, мы наблюдаем удвоенное написание, ср.: *ESME (Energy System Modelling Environment)* (BrE) (среда моделирования энергосистемы).

З. Вариативность графем *s/z* (2 / 0,2%) встречается у двух словосочетаний, где один из компонентов образован от *analyse* / *analyze*, ср.: *analyse-design-build-evaluate-lifecycle* (BrE) (расчет и анализ жизненного цикла проекта по схеме разработка-строительство), *mobile power quality analyzer PQ-Box 100* (AmE) (мобильный анализатор контроля качества электроэнергии). Несмотря на существование британского варианта слова *centralise*, во всех научно-технических текстах причастие имеют американское написание, ср.: *centralized* (14 СЕПЛ), ср.: *centralized controller*, *decentralized solar feed-in heat grid*.

И. Графическая метатеза *er/re* (2 / 0,2%) является результатом ассимиляции галльских заимствований в составе САЯ. В профессиолекте ИЭС выявлено два композита, представляющие крайние точки ассимиляционного диапазона, ср.: *human-centered system design* (AmE) (человеко-ориентированное проектирование системы), *CESI (National Centre for Energy Systems Integration)* (BrE) (национальный центр по интеграции энергосистем).

Авторами англоязычных научно-технических текстов сферы ИЭС, являются ученые из США, Австралии, Канады, Индии и т.д., что приводит к вариантности орфографического оформления, ввиду одновременного функционирования двух вариантов САЯ – британского и американского.

Среди СЕПЛ обнаружена трехвариантная оппозиция двух разновидностей: написание 1) слитно; отдельно; оmissия, ср.: *busbar / bus bar / bus* (сборная шина); 2) написание через дефис; отдельно и оmissия, ср.: *circuit-breaker / circuit breaker / breaker* (автоматический выключатель). В текстовом корпусе зафиксирована также одна шестичленная вариантная оппозиция, представленная линейным усечением контура слова (контракцией) и орфографическими колебаниями, ср.: *sub network connection / subnetwork connection / sub net connection / subnet connection / sub-net connection / sub-network connection* (соединение подсети). Колебание графического / орфографического контура можно рассматривать как временное явление перехода от неустойчивых и несистемных к системно-регулируемым правилам орфографического оформления (написания).

3. Аббревиатурные варианты (12 / 1%) являются результатом экономии речевых усилий, при котором происходит постепенное вытеснение громоздких лексических единиц синонимического ряда и их замена на краткие и «экономные» формы. В профессиолекте ИЭС выделено два типа аббревиатурного варьирования: а) расхождение орфографического оформления и б) межструктурные сокращения.

А. Расхождение орфографического оформления. Принято различать: i) неполные сокращения, ср: *short circuit detector / SC detector* (детектор короткого замыкания); ii) полные сокращения, ср: *VAr (volt-ampere reactive)* (реактивный вольт ампер); iii) аббревиатурные модели с отсечённой второй частью, ср: *LVRsys (low voltage regulation system)* (система низковольтного регулирования); iv) смешанные сокращения (буквенные, инициальные и числовые), ср.: *three-phase dual active bridge converter / three-phase DAB converter / 3p-DAB converter* (трехфазный двойной (парный) мостовой преобразователь), *load and feed-in data / load&feed-in data* (данные по нагрузке и вводу), *Building-to Grid concept / B2G concept* (концепт здание-сеть), *vehicle-to-grid concept / vehicle-2-grid concept / V to G concept / V2G concept* (концепт зарядки автомобиля от сети).

Б. Межструктурные сокращения представляют собой различные корреляции полного и сокращённого вариантов: i) словосочетание и аббревиатура, ср.: *direct current / dc* (постоянный ток); ii) словосочетание, эллиптическая форма термина и сокращение, ср.: *short circuit / short / SC* (короткое замыкание).

В орфографически, морфологически, аббревиатурно и композиционно неустойчивых сегментах преобладает двухчленная вариантность (37 / 84,1% от общего числа вариантных звеньев). Шестичленная и трехчленная вариантные оппозиции представлены тремя видами варьирования (морфологическим, орфографическим и аббревиатурным).

Таким образом, орфографическая вариантность характеризуется большей динамичностью и диверсификацией, чем другие типы варьирования и существует в пределах шкал: композитирование vs. изолирование, контракция vs. композитирование. Из 44 вариантных звеньев, зафиксированных в общем кластере СЕПЛ численностью 1 144, наиболее типичной признана двухвариантная оппозиция (37 / 84,1% от вариантных звеньев и 3,2% от общего числа СЕПЛ). Низкая терминологическая вариантность (44 / 3,8%) объясняется стилистическими особенностями

научной речи, которая характеризуется особыми условиями ее протекания (преимущественно в специальных научно-технических текстах) и выполняет прагматическую функцию, связанную с решением специфических задач профессиональной коммуникации (Сложеникина, 2015: 66).

Ссылки – References in Russian

Балко, 2017 – *Балко М.* Языковая норма, языковая рефлексия, языковой вкус: соотношение понятий // *Культура в фокусе научных парадигм.* – 2017, № 5. – С.128–132

Блинова, 1997 – *Блинова О.И.* Вариативность как предел внутренней формы слова / *О.И. Блинова // Явление вариативности в языке: материалы всероссийской конференции (13–15 декабря 1994 г.).* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 16–21.

Горбачевич, 2009 – *Горбачевич К.С.* Вариантность слов и языковая норма: На материале современного русского языка / *Отв. ред. Ф.П. Филин.* Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 240 с.

Ицкович, 1968 – *Ицкович В.А.* Языковая норма. М., «Просвещение», 1968. – 93 с.

Кобенко, 2010 – *Кобенко Ю.В.* Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного языка // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* – 2010, Т.1. № 1. С. 193–198.

Кобенко, Меремкулова, 2017 – *Кобенко Ю.В., Меремкулова Т.И.* Галльские заимствования в современном немецком языке: структурно-системные и функционально-динамические особенности. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. – 211 с.

Кодухов, 1974 – *Кодухов В.И.* Общее языкознание: учебник для студентов филологических специальностей университетов и педагогических институтов / *В.И. Кодухов.* – Москва: Высшая школа, 1974. – 302 с.

Марцева, 2018 – *Марцева Т.А.* Особенности кодификации паралимпийской лексики в современном английском языке // Научный журнал Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2018, № 2 (38). – С. 131–141.

Постникова, 1981 – *Постникова В.В.* Об изменениях в системе норм современного английского языка. Системное описание лексики германских языков // Межвузовский сборник выпуск 4, издательство Ленинградского университета, Ленинград, 1981. – С. 34–40.

Руссу, 2014 – *Руссу А.Н.* Вариантность слова в немецком обиходно-разговорном языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014, № 23(352). – С. 64–69.

Семенюк, 1996 – *Семенюк Н.Н.* Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов / Н.Н. Семенюк // Языковая норма: типология нормализационных процессов. Институт языкознания РАН. Москва, 1996. – С. 23–47.

Сложеникина, 2015 – *Сложеникина Ю.В.* Классификации терминологических вариантов // Язык. Словесность. Культура. – 2015, № 4–5. – С. 51–71.

Швейцер, 1996 – *Швейцер А.Д.* Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка / А.Д. Швейцер // Языковая норма: типология нормализационных процессов. Институт языкознания РАН. Москва, 1996. – С. 68–78.

Шелов, 2014 – *Шелов С.Д.* О вариативности и синонимии в терминологии // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2014, том 73, № 5. – С. 3–17.

References

Balko, M. (2017) Language norm, linguistic reflection, linguistic taste: the relationship of concepts // *Kultura v fokuse nauchnykh paradigm*, No. 5, pp.128–132 (in Russian)

Blinova, O. (1997) Variation as the limit of the inner form of a word / O.I. Blinova // *The phenomenon of variability in language: materials of the All-Russian conference* (December 13-15, 1994), Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, pp. 16–21 (in Russian)

Gorbachevich, K. (2009) *Dimorphism of words and language norm: Based on the material of the modern Russian language* / Editor-in-chief F.P. Filin. 2d ed., M., Book house "LIBROKOM", 240 p. (in Russian)

Itskovich, V. (1968) *Language norm*, M., "Education", 93 p. (in Russian)

Kobenko, Yu. (2010) Language policy and language planning in the prism of the regulation of the corpus and the status of the majority language // *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, Vol. 1., No. 1. pp. 193–198 (in Russian)

Kobenko, Yu., Meremkulova, T. (2017) *Borrowed Gallicisms in the contemporary German language: structural-systemic and functional-dynamic features*, Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 211 p. (in Russian)

Kodukhov, V. (1974). *General linguistics: textbook for students of philological specialties of universities and pedagogical institutes* / Moscow, Higher school, 302 p. (in Russian).

Martseva, T. (2018) Codification peculiarities of Paralympics vocabulary in modern English language // *Modern Linguistic & Methodical-and-didactic Research*, № 2 (38), pp. 131–141 (in Russian)

Postnikova, V. (1981) About changes in the system of norms of modern English. A systematic description of the vocabulary of Germanic languages // *Interuniversity collection* issue 4, Publishing House of the Leningrad University, Leningrad, pp. 34–40 (in Russian)

Russu, A. (2014) Variation of the word in the German spoken language // *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, No. 23 (352), pp. 64–69 (in Russian).

Semenyuk, N. (1996) Formation of literary norms and types of codification processes // *Language norm: typology of normalization processes*, Institute of Linguistics RAS, Moscow, pp. 23–47 (in Russian)

Slozhenikina, Yu. (2015) Classifications of terminological variants // *Language. Literature. Culture*, No. 4-5, pp. 51–71 (in Russian)

Schweitzer, A. (1996) The role of innovative and relict elements in the formation of the norms of a codified literary language // *Language norm: typology of normalization processes*, Institute of Linguistics RAS. Moscow, pp. 68–78 (in Russian)

Shelov, S. (2014) On variability and synonymy in terminology // *Izvestiya RAN. Series of literature and language*, volume 73, No. 5, pp. 3–17 (in Russian)